

Староста Сюй многого говорить не мог. Повторив часть того, что уже рассказали родители Цзюаньцзюань, он сел с Фан Хэном, старым знакомым, и они заговорили о событиях последних лет.

Ци Гу совершенно естественно устроился рядом с Линь Ханьчжи и от скуки принялся щёлкать семечки.

Если здесь и должно что-то начаться, то только вечером.

Ци Гу щёлкал быстро: набирал небольшую миску очищенных семечек и потом ел всё разом — так приятнее.

Он сосредоточенно раскалывал скорлупу и почти не поднимал головы. Рядом тоже постоянно хрустело, поэтому Ци Гу решил, что Линь Ханьчжи тоже чистит себе семечки.

Но когда закончил очередную порцию и поднял глаза, оказалось, что семечек в его миске заметно больше, чем он очистил сам. Как раз в этот момент Линь Ханьчжи двумя длинными красивыми пальцами сжал семечко поперёк, легко вытащил ядро и совершенно естественно положил в миску перед Ци Гу.

Ци Гу слегка опешил, миндалевидные глаза расширились. Впервые в жизни кто-то чистил семечки специально для него. Даже учитель такого не делал.

— Миска почти полная. Ешь быстрее, закончишь — ещё почищу, — Линь Ханьчжи подмигнул ему с улыбкой. — Вечером тебе придётся хорошенько поработать.

□Хе-хе-хе, какая сладость. Я могу смотреть на это весь день.□

□Да мне даже мама столько семечек не чистила!□

□Ого, у нашего братца-Императрицы пальцы сильные. Я бы после такой миски уже рук не чувствовал.□

□«Вечером хорошенько поработать»... У меня мысли сразу стали жёлтыми.□

□Да вы даже на такой убитой дороге умудряетесь машину разогнать?□

Пока они разговаривали, Му Синчэнь, игравший в летающие шахматы втроём с Пубу Гэсаном и Мяо Юэ, всё услышал и внезапно понял, какой же он непочтительный ученик. Даже друг учителя лучше умеет заботиться о нём!

— Я больше не играю. Тоже пойду учителю семечки чистить.

Мяо Юэ:

— ...

Как думаешь, почему я вообще усадила тебя играть, а не позволила плюхнуться рядом с этими двумя?

— Выиграл и решил сбежать? А мой меч спросил? — Мяо Юэ с грохотом упёрла мяодао в пол.

Му Синчэнь трусливо сел обратно.

— Т-тогда ещё одну партию.

Пубу Гэсан привычно его успокоил:

— Не обращай внимания. Она всегда такая. Это всё наш ста... один старший её плохому научил. Лицо меняет моментально, будто играет.

Му Синчэнь удивился:

— А? У вас есть старший, который умеет сычуаньскую смену масок? Мне это всегда было интересно. Можете познакомить?

В тот год, когда Му Синчэнь участвовал в шоу талантов на сотню человек, продюсеры попросили каждого подготовить маленький дополнительный номер. Му Синчэнь очень хотел выучить смену масок и показать её, но стоило предложить эту идею, как окончательно потерявший терпение агент наградил его щелбаном и приказал нормально петь, не устраивать цирк.

А потом Му Синчэнь увидел, как те коллеги, которые всё-таки устроили цирк, превратились в материал для мемных монтажей и неделями висели на главной видеосайта, где их снова и снова публично «пороли» просмотрами.

Му Синчэнь:

— ...

Пубу Гэсан машинально посмотрел в сторону Линь Ханьчжи, который сидел неподалёку и с улыбкой чистил семечки.

Му Синчэнь решил, что его не услышали, и уже хотел переспросить, когда Мяо Юэ сказала:

— Конечно. Только попозже.

— О, спасибо, спасибо! — Му Синчэнь уже предвкушал.

Линь Ханьчжи продолжал чистить семечки и посмотрел на троих за игрой.

— Дети неплохо ладят. Похоже, можно больше не переживать, что подерутся.

Ци Гу:

— ...Мм.

Странновато, но всё же лучше поддакнуть, чтобы Линь Ханьчжи не было неловко.

□О чём они вообще разговаривают? Почему я ничего не понимаю?□

□Похоже, Гугу тоже не понял, но всё равно ответил «м-м». Он его так любит.□

□Ты так сахар выковыриваешь, тебе жить надоело?□

□Но это правда. Гугу вообще немногословный: если речь не о чём-то важном и не о еде, он почти молчит. Но когда братец-Императрица несёт ерунду, Гугу всё равно готов сказать ему «м-м». Если даже это вам не вкусно, какую небесную амброзию вы едите? Дайте попробовать.□

Линь Ханьчжи вдруг возмутился:

— Вот же! Пустое попалось. Зря только силы тратил, открывал!

— У меня недавно тоже пустое было.

— А это какое толстое! Наверняка вкусное. Быстро съешь первым.

Линь Ханьчжи зажал пальцами особенно крупное ядро и показал Ци Гу, словно открыл новый континент.

— Мм.

Ци Гу открыл рот. Показался кончик розового языка, ровные зубы мелькнули между красивыми губами. Он явно предлагал просто бросить семечко ему в рот.

Но Линь Ханьчжи не понял. На миг замер. Кончики его бледных ушей тронул лёгкий румянец, который на почти лишённом пигмента теле особенно бросался в глаза. Он поднёс ядро прямо к губам Ци Гу.

Когда семечко упало на язык, подушечка пальца Линь Ханьчжи тоже коснулась его губ.

Они оказались такими же мягкими, как он представлял. Стоило слегка дотронуться — или, может быть, обхватить губами, — и они наверняка стали бы ещё ярче, ещё более роскошного цвета.

Стоп. С чего он вообще думает, мягкие ли у Ци Гу губы? Он же не собирается его целовать.

Но Линь Ханьчжи быстро обнаружил, что рука совершенно не слушается.

Пальцы, привыкшие держать оружие, были чуть грубоваты. Он слегка надавил на пухлую нижнюю губу — и та от прилива крови тут же стала заметно краснее.

Подожди... Что он вообще делает?!

Линь Ханьчжи мгновенно отдернул руку. Редкое смущение заставило его за одну секунду совершить восемьсот бессмысленных движений, пока мозг отчаянно искал объяснение.

Но Ци Гу вообще не заметил ничего неприличного. Только почувствовал, что губа после прикосновения немного зудит, и высунул кончик розового языка, легко её лизнув.

Самое обычное движение.

Но у Линь Ханьчжи при виде этого словно горячая волна ударила в голову, и перед глазами на миг стало ослепительно бело.

Такого он ещё никогда не чувствовал.

Обычно ясный разум в тот миг будто смыло ударом жара. Линь Ханьчжи почти лишился рассудка и внезапно очень захотел наклониться и сделать эти губы ещё ярче.

А лучше — не оставить без внимания и тот коварный язык, который словно ядовитая змея заманивал человека ближе, провоцируя узнать его вкус.

— Что с тобой? Почему лицо такое красное? — испугался Ци Гу.

— Ничего. Просто жарко. Пойду умоюсь, — сказал Линь Ханьчжи.

— Странно. Ты же всё время мёрзнешь. Почему теперь тебе жарче, чем мне?

После этого вопроса его до сих пор неторопливая походка сбилась и стала заметно поспешнее.

Мяо Юэ одним глазом следила за летающими шахматами, другим — за этими двумя, и прекрасно управлялась сразу на обоих фронтах.

Линь Ханьчжи, ну ты и бесполезный. Один раз губы потрогал — уже весь красный.

Если реально поцелуешь, от возбуждения в обморок упадёшь?

А если до секса дойдёт, тогда вообще...

Мелочь пузатая. И после этого ещё смеешь утверждать, что между вами всё чисто и невинно? Да у вас уже сплошная недосказанность уровня стихов Ван Вэя — учебниковый пример!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949063>